

Кирилл Александрович Конев

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36*

✉ kk.tsu@yandex.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-82-88

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА АНТАНТЫ И США
В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ И АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (1918–1920 ГГ.):
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ***

В период Первой мировой войны в европейских государствах был выработан комплекс мер, направленных на обеспечение мобилизации населения и контроль за настроениями в обществе. В России, охваченной революционными потрясениями, боровшиеся за власть группировки также стремились воздействовать на население с помощью информации. Интервенция держав-участниц мировой войны, приведшая к эскалации гражданской войны в России, также повлияла на процессы политической коммуникации. Включение иностранцев в информационный обмен вело к интенсификации и усложнению его содержания.

Бывшие союзники России по мировой войне, поддержавшие антибольшевистские силы, приобретали статус враждебного или дружественного Другого для сторон конфликта, что делало их образ зна-

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 20-78-00094 «Иностранные интервенты как „значимый Другой“ в политических нарративах участников Гражданской войны на востоке России (1918–1920 гг.)»

© К. А. Конев, 2021

чимым элементом коммуникации. Тем самым приобретают актуальность задачи выявить и сравнить ключевые приемы конструирования образов Антанты и США, присущие большевикам и их противникам, в контексте их информационной и пропагандистской деятельности. Представляется, что это позволит через анализ дискурсов реконструировать ценности и идеи, на основе которых происходила самоидентификация белых и красных на фоне враждебного или дружественного Другого.

Основным источником для данного исследования послужили материалы периодической печати, выпускавшейся на востоке России в 1918–1920 гг. Газеты и журналы, в данный период являвшиеся основным средством передачи новостной информации, являлись важными площадками для конструирования идей и смыслов, организуя вокруг себя читательские сообщества.

В настоящее время при анализе методов воздействия средств массовой коммуникации на аудиторию зарубежные и отечественные специалисты все большее внимание уделяют фреймингу. У. Гамсон и А. Модильяни рассматривают фрейм как центральную организующую идею, позволяющую осмыслять события и подсказывающую, о чем идет речь [Gamson, Modigliani, 1989. P. 86]. По мнению Р. Энтмана, фреймы служат для интерпретации проблемной ситуации или актора и (явной или скрытой) поддержки желаемого ответа, часто вкуче с моральным суждением, обеспечивающим эмоциональный заряд [Wahl-Jorgensen, 2009. P. 177]. В коммуникации, осуществляемой большевиками и их противниками с помощью периодической печати, и представлявшей собой поток текстов различных жанров, включавших факты, оценки и мнения, можно выделить фреймы, в рамках которых формировалось отношение к Антанте и США.

Б. Ван Горп, предложивший понятие «фрейм-набора» при исследовании медиафреймов в культурном контексте, определяет три связанных механизма, посредством которых и создаются транслируемые фреймы. Первый — явные приемы фрейминга: метафоры, образы

и описания. Второй — очевидные и скрытые механизмы аргументации. Третий — скрытый культурный феномен, помещающий рассматриваемый объект в пространство распространенных в данном обществе мифов, ценностей и культурных архетипов [Van Gorp, 2007. P. 64].

Опираясь на данный подход рассмотрим особенности формирования образов Антанты и США в фреймах, транслируемых большевиками и их противниками — Временным Сибирским, Временным Всероссийским и Российским правительством адмирала А. В. Колчака.

Сообщения большевистских газет встраивали образ бывших союзников в фрейм, идея которого может быть выражена так: «Революция — борьба за светлое и справедливое будущее, для его достижения необходимо победить эксплуататоров — империалистов стран Антанты и США, мешающих этому». Фрейм, по сути, воспроизводил сюжет волшебной сказки о борьбе героя (трудящиеся) против чудовища/злодея (империалисты) и возвращении похищенных им чудесных предметов (свобода, справедливость).

Используемые при этом явные приемы фрейминга способствовали формированию соответствующего негативного образа государств Антанты и США. Характеристики их внешней политики подчеркивали ее «империалистическую» сущность, нацеленность на подавление русской революции. Для формирования эмоционально окрашенного образа врага в лице капиталистов «всех мастей» большевики не скупились на языковые приемы. Указывая на «хищническую» политику Западных стран, красные активно применяли соответствующие сравнения. Правящие круги и капиталисты Антанты и США характеризовались как «акулы», «волки», «гиены», «гидра», «чудовище». Описательные характеристики дополнялись визуальными с помощью газетных карикатур и плакатов, где зарубежные противники представляли как в стереотипном образе «буржуя», так и зооморфных или инфернальных обличиях. Дегуманизация «союзников» достигалась также с помощью гиперболизации, эпитетов, подчеркивавших хитрость, лживость или жестокость отдельных лидеров Западных стран

и проводимой ими политики. Ирония и сарказм позволяли большевикам задать определенный характер восприятия. Так, понятия «доблестные», «свободолюбивые союзники» использовались с целью насмешки над политикой интервентов.

Приемы аргументации для создания фрейма предполагали опору на марксистские идеи, которые дополнялись и артикулировались лидерами большевиков и транслировались через прессу. Враждебность империалистов Антанты и США по отношению к революции объяснялась через призму классовых интересов акторов. Вся разворачивающаяся борьба между Россией под руководством большевиков, и ее многочисленными противниками в лице внутренней контрреволюции и поддерживающими ее зарубежными капиталистами, подавалась как борьба сил, выражающих интересы двух классов — эксплуатируемых и эксплуататоров. Классовая сущность конфликта при этом позволяла большевикам рассматривать бывших союзников двояко, отделяя пролетариат Западных стран от буржуазии и позиционируя его как настоящего союзника российских рабочих и крестьян. В то же время взгляд на иностранцев через призму классовой борьбы позволял большевикам говорить о наличии острых противоречий между Англией, Францией, США и Японией, которые победив в войне с германцами, не ликвидировали угрозу новых войн.

При конструировании фрейма большевики также опирались на соответствующий культурный контекст. Обращаясь к малограмотным крестьянам, солдатам и рабочим, слабо разбиравшимся в тонкостях политики и международных отношений, большевики вынуждены были использовать понятные объяснения. Простой и образный язык описания вкупе с классовой интерпретацией позволял позиционировать текущий конфликт как борьбу за долгожданный мир, прекращение эксплуатации, справедливое распределение благ. Это во многом соответствовало ожиданиями значительной части населения страны. Врагам в лице Антанты и США приписывались понятные и простые мотивации: ограбление России, восстановление монархии и власти

«капиталистов, помещиков и генералов». В то же время большевики опирались на распространенный среди русской интеллигенции стереотип о «передовых» и «развитых» Западных странах для актуализации проблемы революции в Европе, где ведущую роль должен был сыграть пролетариат, имеющий многолетний опыт борьбы. Визуальные образы и словесные конструкции могли апеллировать к архетипам или культурным корням. Так, не случайны изображения империализма в виде драконов, чудовищ и аллегорий смерти, с которыми могли бороться красноармеец или лично Л. Д. Троцкий в образе богатыря или Георгия Победоносца.

Иную картину представляет фрейм, создававшийся противниками большевиков на востоке страны в ходе коммуникации, осуществляемой с помощью официальной прессы. Ключевая его идея: «Антибольшевистские силы ведут борьбу за возрождение России, проданной большевиками немцам, а Антанта и США готовы прийти на помощь своей союзнице». Фрейм, в сущности, также воспроизводил типичный сказочный сюжет о борьбе героя (белые) со злом («германо-большевики»), однако союзники в данном случае играли роль помощника.

Явные приемы фрейминга подразумевали подчеркивание стремления союзников оказать всевозможную поддержку антибольшевистскому движению. На уровне метафорического конструирования применялись конструкции, подчеркивавшие «бескорыстность», «благородство», «доблесть» союзников России, не оставивших ее в трудный момент. Официальная пресса указывала на «демократизм» стран союзной коалиции, их приверженность «справедливости», «праву» и «свободе» в отличие от противопоставляемых им германцев и большевиков. Оказание помощи России трактовалось как «спасение», возрождение боевого товарищества, а сами союзники — как «братья по оружию», «доктора», «наставники» для русских. Несмотря на идеализацию, антибольшевистские идеологи, отмечали наличие у союзников собственных интересов, не совпадавших с интересами белого движения. В прессе могли появляться характери-

стики, указывавшие на запутанность их политики, «расчетливость», «осторожность», «нерешительность».

Скрытые и явные приемы аргументации в рамках формирования фрейма включали объяснительную модель, обосновывавшую необходимость интервенции союзников в Россию. Белые, рассматривавшие Брестский мир как предательство большевиков, считали гражданскую войну продолжением мировой. Действия Советской власти мыслились как «разрушение», «порушение» России, а антибольшевистских сил — как ее «возрождение». Вмешательство союзников, в данном случае выглядело логичным шагом, совместной борьбой с общим врагом — «германо-большевиками». После окончания мировой войны в ноябре 1918 г. большевики, стремившиеся к мировой революции, были объявлены «врагами цивилизации», что также служило основанием для вмешательства Антанты и США в российские события. Аргументом в пользу интервенции служил также образ союзников как «должника» России, которая ценой больших потерь спасла Францию от немецкого наступления в 1914 г. Актуализация данного эпизода позволяла белым рассчитывать на поддержку в качестве уплаты долга за эту «жертву» России.

Описанные события вписывались антибольшевистскими идеологами и журналистами в актуальные для них культурные контексты. Мировая война, революция и гражданская война характеризовались как столкновение сил «демократии и авторитаризма», «культуры и варварства», «силы права и права силы». Конфликт, потрясший основы Западной цивилизации, приобретал в газетных описаниях апокалиптический характер. Авторы публикаций при описании проживаемых событий апеллировали к религиозным образам или сравнивали состояние страны с болезнью и сумасшествием. Оценки трагических событий сопровождались активным поиском их причин, одной из которых виделась отсталость России. В связи с этим происходила актуализация целого ряда стереотипных представлений о «передовых» странах Европы, бытовавших среди отечественной

интеллигенции. Англия, Франция и США упоминались в качестве образцов «патриотизма», «гражданственности», «законопослушности», «предприимчивости», которым «государственно-мыслящая печать» призывала учиться русское общество.

Рассмотрение «фрейм-наборов», применявшихся белыми и красными при конструировании обозначенных фреймов, показывает, что они основывались на архетипических сюжетах о борьбе героя со злом за обладание некой ценностью. Объяснительные модели задавали различия в репрезентации причин событий и характеристик участников. Особенности помещения в культурный контекст, отбор фактов и выбор языковых средств диктовались уже заданной моделью описания ситуации. При этом могли использоваться одни и те же стереотипы и характеристики (например, стереотип о передовых странах Запада или само слово «союзники»), которые в зависимости от фрейма приобретали нужное значение и эмоциональный заряд. Для красных и белых страны Антанты и США являлись значимым Другим, образ которого будучи вписанным в тот или иной фрейм, позволял конструировать и транслировать ценности и руководящие установки для формирования «мы-группы» и определения ее действий. В одном случае борцы с «эксплуатацией» противопоставлялись «империалистам», в другом — «патриоты», стремившиеся к «возрождению России» искали поддержки у своих «доблестных союзников».

Литература и источники

Gamson W.A., Modigliani A. Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach // American Journal of Sociology. 1989. Vol. 95. № 1. P. 1–37.

The handbook of journalism studies / [Edited] by K. Wahl-Jorgensen, T. Hanitzsch. New-York, 2009. 446 p.

Van Gorp B. The Constructionist Approach to Framing: Bringing Culture Back In // Journal of Communication. 2007. Vol. 57. № 1. P. 60–78.